

Народы

АЗИИ И АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИЛИ ИЛИ ИЛИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

2
1967

ПУБЛИКАЦИИ

Э. Шукюр-заде (Баку). Об одном фермане шаха Аббаса I 142

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

В. П. Городнов. Журнал «The African Communist» в 1966 г. 144
 М. А. Чешков. Дискуссия о характере крестьянских движений (по страницам
 вьетнамского исторического журнала) 149
 В. И. Шпилькова. Обзор французской литературы о младотурецкой революции 159

Рецензии

С. И. Тюльпанов (Ленинград), В. Л. Шейнис (Ленинград), В. В. Рымалов. Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство 172
 Л. Рудин, В. Г. Растяйников, М. А. Максимов. Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии (социально-экономические изменения в пореформенной деревне) 176
 М. С. Зельмань. Исследование проблемы создания квалифицированных кадров в развивающихся странах 179
 Г. С. Померану. «African socialism» 183
 А. Е. Иоффе. Ценные материалы по истории взаимоотношений СССР со странами Азии и Африки 187
 С. Л. Агаев (Баку), К. Асадулаев. Свержение династии Каджаров в Иране (1920—1925 гг.) 192
 Б. Б. Парникель. Некоторые вопросы балийской истории и культуры (По поводу одного издания) 195
 М. А. Усманов (Казань). Великие ученые Средней Азии и Казахстана VIII—XIX вв. 204
 А. М. Щербак (Ленинград), G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen Bd. I. 207

Библиографические заметки

В. Н. Королев (Ростов-на-Дону). «Der Neokolonialismus der Westdeutschen Bundesrepublik. Eine Dokumentation»; Ш. Б. Чимит-доржиев (Улан-Удэ). Ш. Сандаг. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни (научно-популярный очерк); А. С. Аветян. W. Spröte und G. Hahn. DDR — Wirtschaftshilfe contra Bonner Neokolonialismus; М. Хазнадар (Ленинград). Abdul Rahman Ghassemlou. Kurdistan a Kurdoivia; Ю. Н. Кочубей (Киев). «Nouvelles arabes»; А. М. Пятигорский. Surama Dasgupta. Development of Moral Philosophy in India; В. А. Рубин. Mo-Tzu. Basic Writings; В. М. Константинов. Н. А. Сыромятников. Становление новояпонского языка; Э. М. Шолок. Т. В. Вентцель. Цыганский язык (северо-русский диалект) 212—222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Б. Кляшторина, Н. И. Пригарина, В. Т. Сухоруков. Симпозиум по теоретическим проблемам восточных литератур 223
 А. С. Сумбатзаде (Баку). Институт народов Ближнего и Среднего Востока АН Азербайджанской ССР 227
 И. В. Сахаров (Ленинград). Десять лет работы Восточной комиссии Географического общества СССР 230
 Ж. Ф. Крупник. В Государственном музее искусства народов Востока 233
 Я. А. Часова (Ленинград). Переводческое объединение Восточного факультета ЛГУ 234
 Д. Ценд (Улан-Батор). Литературоведение в МНР (1961—1966) 236

Хроникальные заметки 239

А. А. Кузнецов 244

Саид Нафиси 246

Резюме основных статей на английском языке 248

Г. В. ПЛЕХАНОВ О ВОСТОЧНОМ ДЕСПОТИЗМЕ

Ю. З. ПОЛЕВОЙ

В содержательном обмене мнениями об азиатском способе производства и восточной деспотии недостаточно, на наш взгляд, учтена историография, в частности дореволюционная марксистская историография раннеклассовых обществ и прежде всего место в ней Г. В. Плеханова.

Известны высокие оценки В. И. Лениным роли Г. В. Плеханова — выдающегося пионера марксизма в России, его заслуг в развитии общественных наук, особенно философии, социологии и истории. Отмечая громадные заслуги Г. В. Плеханова в революционно-марксистский период его деятельности (1883—1903), В. И. Ленин называл его сочинения за эти двадцать лет превосходными¹. В пору культа личности И. В. Сталина богатое литературное наследие Г. В. Плеханова, даже марксистского периода творчества, предавалось забвению, а роль его в развитии исторической науки принижалась и замалчивалась. После XX съезда КПСС эта тенденция преодолевается совместными усилиями философов, экономистов и историков², хотя до конца она еще не изжита. Современные молодые историки мало знают труды Г. В. Плеханова. До сих пор остаются недостаточно исследованными представляющие большой интерес для науки работы по социологии и истории и, в частности, его высказывания по истории Востока.

К проблемам истории восточных стран Г. В. Плеханов проявил интерес еще в народнический период своей революционной деятельности. Обращение к Востоку было связано главным образом с волновавшим тогда всю русскую передовую мысль вопросом о судьбах сельской общины, в общей связи с проблемой судеб капитализма в России. Первый толчок дали работы М. М. Ковалевского, главной научной заслугой которого была разработка истории крестьянской общины, в частности у восточных народов. Сам М. М. Ковалевский, сторонник позитивистской

¹ См. *В. И. Ленин*, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 222.

² См., напр., *В. А. Фомина*, Философские взгляды *Г. В. Плеханова*, М., 1955; *М. И. Сидорова*, Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли, М., 1957; *М. Т. Ювчук*, Г. В. Плеханов и его труды по истории философии, М., 1960; *М. Б. Митин*, Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении, М., 1957; *Ф. Я. Полянский*, Экономические работы Г. В. Плеханова, — В кн.: «История русской экономической мысли», т. II, М., 1960; *Л. В. Черепнин*, Взгляды Г. В. Плеханова, — В кн.: «Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках», М., 1960; *Ю. З. Полевой*, Начало марксистской историографии в России, — В кн.: «История исторической науки в СССР», М., 1960; *В. Е. Гусев*, Г. В. Плеханов — зачинатель марксистского изучения фольклора, — В кн.: *В. Е. Гусев*, Марксизм и русская фольклористика, М.—Л., 1961.

методологии, отмечал известное влияние на него К. Маркса. Перейдя на марксистские позиции, Г. В. Плеханов признал, что исследования видного русского социолога и историка, посвященные развитию и разложению общинного землевладения в отдельных странах, впервые и очень сильно поколебали его народнические воззрения³. В связи с разбором первой части работы М. М. Ковалевского, освещающей «Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение», Г. В. Плеханов в статье «Поземельная община и ее вероятное будущее» (1880) касается вопроса о причинах разложения общины в Индии, Алжире и ряде стран Латинской Америки. Как и в других своих работах народнического периода, он пытается опровергнуть выводы М. М. Ковалевского о «самопроизвольности» причин разложения общины. Проблема восточного деспотизма в связи с общиной в этот период его не занимает. Г. В. Плеханов подчеркивает лишь роль английской аграрной политики в разрушении «коллективного землевладения» в Индии. Подробно развивая все доводы М. М. Ковалевского, он заключает: «Процесс феодализации поземельной собственности и параллельного разрушения общины в Индии совершался целиком под влиянием причин совершенно внешних, не имеющих никакой связи с внутренней организацией общины, при всем внимании, мы не могли усмотреть тех „перемен“ в системе поземельного владения в Индии, которые не злоупотребляя словами, можно было бы приписать „самой силе вещей“»⁴. То же относит Г. В. Плеханов и к данным М. М. Ковалевского о причинах разложения общины в Алжире. Но в конце концов он вынужден, противореча себе, признать действие и «самопроизвольных», т. е. внутренних, факторов разложения общины. Оставаясь на народнических позициях, Г. В. Плеханов не мог видеть связи первобытной общины с возникновением и развитием восточного деспотизма, поскольку придерживался высмеянного им потом, в марксистский период творчества, известного народнического вывода, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции.

Став марксистом, Г. В. Плеханов, как известно, уделял особое внимание разработке проблем исторического материализма и положил начало русской марксистской историографии. Кроме отечественной истории он занимался историей западноевропейской общественной мысли и культуры. Вместе с тем его внимание привлекала и история Востока. Как и в других областях общественных наук, он первый в русской историографии стал рассматривать общественные отношения на Востоке в свете исторического материализма. В своих суждениях об азиатском способе производства и восточном деспотизме Г. В. Плеханов опирался прежде всего на труды К. Маркса и Ф. Энгельса. В общих оценках этих явлений он повторял своих учителей, не добавляя ничего существенно нового. Его заслуга, однако, значительна в защите и развитии взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на эти проблемы.

В марксистской литературе конца XIX в. он едва ли не первый обратил внимание на разработку основоположниками научного социализма вопроса о восточной деспотии. Вслед за ними, исходя из новых фактических данных, он говорил о материальной основе восточной деспотии, об экономических корнях особого почтения к власти государя, о ее обожествлении. Древние восточные цивилизации рассматривались им как «первые большие шаги на пути исторического развития»⁵. Обоснование

³ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 200.

⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. I, стр. 98.

⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 23.

материалистического взгляда на возникновение восточной деспотии сопровождалось у Г. В. Плеханова решительным разоблачением попыток объяснить ее появление расовыми особенностями. Он ядовито высмеивал теорию «чистой расы»⁶, свойствами расы объяснявшей подъем и падение цивилизаций, он подверг уничтожающей критике постулат геополитиков о белой расе, якобы единственно способной к прогрессу: «Трудно сказать, например, — писал он, — какая раса, черная, желтая или белая, сделала наибольший взнос в цивилизацию древнего Египта. История Халдеи показывает даже, что в деле цивилизации черная „кушитская“ раса опередила все другие. Чернокожие ученые того времени могли бы, таким образом, считать свою расу самой способной к прогрессу и с сожалением посматривать на племена белые и желтокожие, косневшие тогда в застое и невежестве»⁷.

В связи с переходом к марксизму и систематической критикой народнической теории «самобытности» русского исторического процесса в новом свете стал перед Г. В. Плехановым и вопрос о судьбе общины. Он изучает вопрос о первобытной общине в связи с азиатским способом производства и его особенностями. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом он рассматривает первобытную общину как базис восточного деспотизма.

Особый интерес Г. В. Плеханова к проблемам ранних общественных формаций был связан с кризисом буржуазной общественной мысли конца XIX—начала XX в., с широким распространением идей марксизма и ростом пролетарского движения. В этих условиях казенная наука, между прочим, решительно отрицала существование родового строя и связанных с ним коллективных форм собственности. «В настоящее время, — писал Г. В. Плеханов в 1900 г., — теория „первобытного коммунизма“ начинает подвергаться оспариванию»⁸. Тщательно изучая новые данные, добытые наукой после Ф. Энгельса, он подтверждал правильность марксистского понимания характера экономической базы, социальной структуры и культуры первобытных обществ. Отстаивая взгляд о единстве закономерностей исторического процесса, Г. В. Плеханов доказывал наличие относительного своеобразия развития отдельных стран. Россию он, как и К. Маркс и Ф. Энгельс, считал страной и европейской, и азиатской.

Проблемы истории ранних обществ заняли большое место в работах Г. В. Плеханова: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «О книге Мечникова „Цивилизация и великие исторические реки“» (1890), «Письма без адреса» (1899—1900), «Материалистическое понимание истории» (1901), «Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории» (1903), «Об искусстве» (1904). В этих и других произведениях он развил основные положения исторического материализма, высказав много интересных мыслей и по истории ранних обществ, обосновав материалистический взгляд на их возникновение, на их социально-экономический и политический строй, культуру и искусство. В связи с задачей обоснования материалистического понимания истории Г. В. Плеханова интересовали прежде всего социально-экономические проблемы раннеклассовых обществ, особенно проблемы разложения первобытнообщинного строя и возникновения первых классовых обществ и государства. Большое внимание при этом он уделял изучению развития производительных сил в этих обществах.

⁶ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 254.

⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. VII, стр. 19—20.

⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV, стр. 38.

Г. В. Плеханова нередко осуждают за переоценку роли географической среды⁹. Однако бесспорным является его утверждение, что в силу особенностей географической среды необходимым условием развития земледелия в разных странах Востока было создание и обеспечение постоянно действующей ирригационной системы, что это и послужило главной причиной усиления политической централизации и утверждения восточного деспотизма. В полемике против своих идейных противников он повторял энгельсовскую оценку исторической роли первобытной общины на Востоке, данную в «Анти-Дюринге». «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России»¹⁰. Г. В. Плеханов при этом высказал мысль, что К. Маркс после знакомства с трудом Моргана уточнил свой взгляд на первородство азиатского способа производства, поместив рядом с ним античный, как два сосуществовавших типа экономических отношений: «По замечанию Маркса, восточный, античный, феодальный и современный нам буржуазный способы производства могут быть рассматриваемы в общих чертах, как последовательные („прогрессивные“) эпохи экономического развития общества. Но надо думать, что когда Маркс ознакомился впоследствии с книгой Моргана о первобытном обществе, то он, вероятно, изменил свой взгляд на отношение античного способа производства к восточному. В самом деле, логика экономического развития феодального способа производства привела к социальной революции, знаменовавшей собою торжество капитализма. Но логика экономического развития, например, Китая или древнего Египта, вовсе не вела к появлению античного способа производства. В первом случае речь идет о двух фазах развития, одна из которых следует за другою и порождается ею. Второй же случай представляет нам скорее два сосуществующих типа экономического развития. Античное общество сменяло собою родовую общественную организацию и та же организация предшествовала возникновению восточного общественного строя. Каждый из этих двух типов экономического устройства явился как результат того роста производительных сил в недрах родовой организации, который в конце концов неизбежно должен был привести ее к разложению. И если эти два типа весьма значительно отличаются один от другого, то их главные отличительные черты сложились под влиянием географической среды, в одном случае предписывавшей обществу, достигшему известной ступени роста производительных сил, одну совокупность производственных отношений, а в другом — другую, весьма отличную от первой»¹¹.

⁹ В. А. Фомина в книге «Философские взгляды Г. В. Плеханова» в общем верно освещает его мировоззрение. Однако, по нашему мнению, и она в его подходе к вопросу о роли географической среды в развитии производительных сил общества видит «сползание на позиции так называемого географического направления в социологии» (Указ. соч., стр. 197). Г. В. Плеханов, как признает сам автор, выступал против «географических материалистов». Его поиски причин развития производительных сил не только в их внутренних закономерностях, но и в условиях географической среды, особенно когда он касается древнего и средневекового Востока, нельзя оценивать как сползание к географическому направлению в социологии. Даже в меньшевистский период своей деятельности в работе «История русской общественной мысли», полемизируя с буржуазным историком С. М. Соловьевым, Г. В. Плеханов подчеркивал, что влияние географической среды на характер русского народа происходит «лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или иной вид в зависимости от того, замедляет или ускоряет она (географическая среда) рост производительных сил, находящихся в распоряжении данного народа» (Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 3).

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 186.

¹¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 216—217.

Открытие Морганом родовой организации не привело к полному отказу К. Маркса и Ф. Энгельса от мысли о первенстве восточного способа производства. Но важно отметить, что новые данные дали Г. В. Плеханову основание поставить вопрос о сосуществовании разных типов экономического развития в раннеклассовых обществах, хотя и не позволили еще конкретно представить характер этого сосуществования¹². Несмотря на накопленные за последние полвека данные по истории древнего Востока, которые внесли много нового в проблему социально-экономического и обществено-политического строя древнего Востока, вопрос о сосуществовании различных форм эксплуатации и сейчас продолжает оставаться дискуссионным.

Характерными чертами развития производительных сил восточных деспотий Г. В. Плеханов считал застойность, крайнюю медлительность, наложивших печать на жизнь, быт и характер многих поколений народов Востока. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом он видел в восточной деспотии специфическую форму государства Востока и стремился, опираясь на известные положения основоположников научного коммунизма о восточной деспотии, развить и конкретизировать их, выяснить важные отличия восточных деспотий от западных форм государственности¹³.

К проблемам истории восточных деспотий Г. В. Плеханов неоднократно возвращался в связи с историей России¹⁴. Один из главных недостатков русской буржуазной историографии он видел в том, что ранние периоды русской истории она находила возможным сопоставить лишь с историей западноевропейских стран, игнорируя сопоставление с историей стран Востока. Высоко оценивая труды историка Павлова-Сильванского о феодализме в древней Руси, называя их «замечательными», Г. В. Плеханов вместе с тем считал серьезной ошибкой, что Павлов-Сильванский сравнивал отношения в древней Руси только с порядками средневековой Франции, не сопоставлял их с порядками на Востоке, «т. е., точнее, великих восточных деспотий, например, древнего Египта или Китая»¹⁵. Он справедливо упрекал русскую буржуазную историографию за то, что она недооценила последствия нашествия кочевников с Востока на внутреннее экономическое и политическое развитие России. «Кто знает? — спрашивал он, — может быть, опустошая Русь и, стало быть, замедляя рост ее производительных сил, хищные номады способствовали возникновению и упрочению известных особенностей и в ее политическом строе. Вот почему внимательнее следовало рассмотреть вопрос об экономических и политических последствиях борьбы оседлого населения восточной равнины со своими кочевыми неприятелями»¹⁶.

В такой постановке проблемы нельзя не усмотреть определенной заслуги Г. В. Плеханова в развитии марксистской историографии. Однако он не всегда правильно решал ее. Как известно, Г. В. Плеханов в русском историческом процессе видел «особенности, отличающие его от исторического процесса западноевропейских стран и напоминающие процесс

¹² Плеханов понимал ограниченность знаний о Востоке: «Современная наука, — писал он в 1900 г., — дает пока еще слишком мало данных для всестороннего изучения характера и развития общественных отношений древнего Востока» (Соч., т. VII, стр. 261).

¹³ В ходе обмена мнениями о восточном деспотизме правильно отмечалось, что начиная с 30-х годов при изучении проблем государства ограничивались главным образом вопросом о его классовой природе, оставляя без должного внимания изучение и классификацию форм политической власти. См. В. А. Рубин, Проблемы восточной деспотии в работах советских исследователей, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, стр. 95.

¹⁴ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 10—131.

¹⁵ Там же, стр. 10—12.

¹⁶ Там же, стр. 38.

развития великих восточных деспотий»¹⁷. «Деспотизм» и «абсолютизм» сливались у Плеханова в одно понятие¹⁸. За внешним сходством государственного устройства он проглядел принципиальные различия экономического и социального порядка между формой власти, восходящей к монархиям древнего Востока, экономическую основу которой К. Маркс и Ф. Энгельс называли азиатским способом производства, и абсолютизмом — формой феодального господства, также деспотической, но характерной для последнего периода феодальной формации. Глубокая, органическая ненависть Г. В. Плеханова к монархическим, самодержавным режимам, различным формам деспотизма как на Востоке, так и на Западе оттеснила вопрос о важном различии социально-экономических предпосылок восточного деспотизма и европейского абсолютизма. Это помешало, между прочим, Г. В. Плеханову увидеть принципиальное различие аграрных отношений в России начала XX в. и тех же отношений в монархиях Востока. Такое смешение понятий сказалось уже в его ранних марксистских работах 80-х годов: «Старая московская Русь, — писал он в 1889 г., — отличалась совершенно азиатским характером. Он бросается в глаза как в экономическом быте страны, так и во всех правах и во всей системе государственного управления. Москва была своего рода Китаем, но этот Китай находился не в Азии, а в Европе»¹⁹.

Игнорирование различия социально-экономических основ абсолютизма в Европе, включая Россию, и основ древних восточных деспотий привели Г. В. Плеханова к серьезным политическим ошибкам. В 1906 г. он возражал против ленинского требования национализации земли как основы аграрной программы большевиков в период буржуазно-демократической революции и при переходе ее к революции социалистической. В речи на IV съезде РСДРП он говорил: «Аграрная история России более похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы. В этом нет ничего удивительного, потому что экономическое развитие каждого народа совершается в своеобразной исторической обстановке. У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закреплена государством и на основании этого закрепощения развился русский деспотизм»²⁰. На замечание В. И. Ленина, что товарищ Плеханов «предостерегает Россию от повторения опытов Ван Ган-че»²¹ (китайский преобразователь XI века, неудачно введший национализацию земли) и старается доказать, что крестьянская идея национализации земли реакционна по своему происхождению»²², что смешно сравнивать Россию XX в. с Китаем XI в., оппонент отвечал, что он «прекрасно» знает это различие, но кроме различия есть еще сходные черты и что именно на это сходство следует обратить внимание. Суть сходства Г. В. Плеханов видел в национализации земли, которая, по его мнению, составляла экономическую основу допетровской Руси²³.

Аналогия национализации земли в Китае в XI в. с постановкой вопроса большевиками в России в начале XX в. не выдерживала, конечно,

¹⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 12.

¹⁸ Смешение этих понятий долго господствовало в литературе. В энциклопедическом словаре «Гранат» читаем: «Фактического различия между деспотизмом и абсолютизмом не существует» (см. т. 18, стр. 266).

¹⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 74.

²⁰ «Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б)», М., 1934, стр. 61.

²¹ Ван Ган-че — Ван Ань-ши.

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 253 (примеч.).

²³ См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XV, стр. 68—69.

никакой критики. Но это не может умалять значения характеристики причин и сущности восточных деспотий, данной Г. В. Плехановым. Одну из самых главных причин возникновения и длительного господства восточных деспотий он усматривал в условиях натурального хозяйства: «Если по замечанию Энгельса, — писал он, — деревенские общины всюду от Индии до России служили экономической основой деспотизма, то одна из самых главных причин этого явления лежит в условиях натурального хозяйства, исключаящих экономическое разделение труда и разбивающих все земледельческое население обширного государства на небольшие группы, не нуждающиеся одна в другой, а потому и равнодушные друг к другу именно в силу полного тождества их экономического и общественного положения. Конечно, в каждой из восточных деспотий были свои особые условия, ослаблявшие или усиливавшие действие указанной причины»²⁴. В числе причин, которые чрезвычайно укрепляли в восточных деспотиях общинное начало, Плеханов, вслед за Энгельсом, считал необходимость орошения²⁵.

Г. В. Плеханова особо интересовали социальные отношения в странах древнего и средневекового Востока в связи с проблемой азиатского деспотизма. В отличие от историков-марксистов более позднего времени он не квалифицировал древневосточный мир как чисто рабовладельческий. Главной чертой социальных отношений древнего Египта, Халдеи, Китая, Персии, Индии он считал закрепощение крестьян государством. Крепостнические отношения, по его мнению, не везде были одинаковыми. Лишение земледельца права собственности на землю, по его мнению, в большей мере наблюдалось в Египте, чем в Халдее. В последней земля продолжала оставаться собственностью кровных союзов. Государь здесь нередко даже покупал у членов общины необходимую для государства землю²⁶. Следовательно, в отличие от Египта, не вся земля в Халдее, т. е. Ассирийской державе, принадлежала царю или входила в его хозяйство. Это подтверждается современными данными²⁷. Утверждение деспотизма на Востоке сопровождалось постоянным возрастанием хозяйства государя, включавшего всю обрабатываемую крестьянами землю, и закрепощением земледельцев. Верховную власть государя на землю и земледельцев Г. В. Плеханов считал одной из главных черт восточного деспотизма.

Отличие социальных отношений допетровского Русского государства от западноевропейских Г. В. Плеханов видел в том, что на Руси было закрепощено не только крестьянство, но и служилое сословие. Служилую знать, которая участвовала в дележе прибавочного продукта, Г. В. Плеханов считал социальной опорой деспотизма. При этом он указывал на различие взаимоотношений государя и служилой знати на Западе и на Востоке. На Западе уже на ранних стадиях феодализма родовая аристократия, с одной стороны, и духовенство — с другой, несколько ограничивали власть государя, в восточных деспотиях власть веками оставалась самодержавной, ничем не ограниченной. С восточными же деспотиями, «на которых оно очень походило», государство феодальной Руси сближалось тем, что «вынуждено было наложить более тяжелое иго на свое закрепощенное население»²⁸.

²⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 76—77.

²⁵ См. там же, стр. 77.

²⁶ См. там же, стр. 72.

²⁷ См. И. М. Дьяконов, Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 1.

²⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 78—79, 88.

У Г. В. Плеханова нет специального конкретно-исторического анализа социально-экономических и политических отношений какой-либо страны Востока времени ее наибольшего сближения с социальными и политическими отношениями, существовавшими в Московской Руси. Из его высказываний можно лишь косвенно заключить, что таким временем он считал царствование Ивана III и особенно Ивана Грозного. Л. В. Черепнин прав, когда пишет, что, «характеризуя деспотический режим восточных монархий в целях сопоставления его с политикой Русского государства, Г. В. Плеханов оперирует в ряде случаев явлениями, относящимися к разным стадиям исторического развития»²⁹. Нельзя, однако, ограничиться лишь упреком по адресу плехановской трактовки этого сопоставления. Г. В. Плеханов не ставил перед собой специальной задачи конкретного анализа социально-экономических и политических отношений какой-либо отдельной страны древнего и средневекового Востока. Как демократ и социалист, он обращал внимание прежде всего на сходство восточных деспотий с крепостнической самодержавной Русью. Интересна не только плехановская мысль о некоторой близости помещичьей системы к формам государственной собственности на землю, имевшей место на Востоке, но и то обстоятельство, что он отмечает ряд общих черт форм политической власти.

Деспотами Маркс и Энгельс называли и монархов Европы времен «Священного Союза», особенно русских царей, хорошо понимая различие социально-экономических и политических отношений между Европой первой половины XIX в. и восточными деспотиями. Речь идет о некоторых общих чертах, характеризующих деспотизм: сосредоточение всей полноты власти в руках единоличного главы государства; соединение политической власти и верховного права собственности на землю; содержание огромного бюрократического аппарата, а также наличие большого царского земельно-водного хозяйства и обожествление власти деспота³⁰. Эти признаки вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом отмечал и Г. В. Плеханов. Единодержавие — строй, при котором народ ничем не огражден от произвола царей и их служилой знати. Обожествление власти царей Г. В. Плеханов считал главной чертой великих восточных деспотий: чисто тираническое правление выражается в полном неограниченном произволе единоличной царской власти, отождествляющей себя с богом³¹.

Исследователи, опираясь на новейшие данные, приходят к выводу, что представление о широком, если не всеобъемлющем, распространении деспотии в пространстве и времени преувеличено³². Это, однако, не умаляет значения того факта, что именно живучесть черт восточного деспотизма во времени и пространстве была главной причиной научного и политического интереса Г. В. Плеханова к Востоку.

²⁹ Л. В. Черепнин, Указ. соч., стр. 98.

³⁰ См. З. М. Чернилевский, История рабовладельческого государства и права, М., 1960, стр. 36; О. А. Жидков, История государства и права древнего Востока, М., 1963, стр. 20.

³¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 78—80.

³² См. В. А. Рубин, Указ. соч., — «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, стр. 103—104.